

**Комсомол и образование в 1920-е годы в Зауралье
(по материалам журнала «Путь просвещенца», г. Шадринск)**

Рассматриваются направления работы комсомольцев Шадринского округа Уральской области в 1924–1925 гг.: ликвидация неграмотности; организация работы изб-читален, школ сельской молодежи, пионерских отрядов, антирелигиозная пропаганда.

Ключевые слова: комсомол, учительство, деревня, Шадринский (Исетский) округ Уральской области.

С 1924 г. в течение нескольких лет в РСФСР выходило как минимум два региональных журнала (под руководством местных органов образования) с одинаковым названием «Путь просвещенца» – в Вятке (Вятская губерния) и Шадринске (Уральская область). Одно и то же название, практически одни и те же года начала и прекращения печати журналов наводят на мысль, что инициатива их издания возникла явно не «в низах».

Первые полтора года (август 1924 – декабрь 1925) шадринский «Путь просвещенца» преимущественно печатал инструктивный материал для учителей, что было вызвано практически полным отсутствием новой методической литературы. В дальнейшем журнал планировал помещать «опыт местной работы» [К читателям, 1926, с. 63]. Удалось это или нет, неизвестно, так как в шадринских библиотеках номера журнала, начиная с 1926 года, отсутствуют [Шадринское краеведение, 1997, с. 31], а в Курганской областной библиотеке имени А. К. Югова имеется только три первых номера за 1926 год.

По нашим наблюдениям, шадринский журнал «Путь просвещенца» до сих пор не оказался в центре внимания местных исследователей [Шадринск 1920-х годов, 1999; Пашков А., 2009]. Так что надеемся, что предлагаемый в настоящей статье материал окажется небесполезным. Однако в год 100-летия ВЛКСМ сосредоточимся только на том, как работа комсомола на ниве просвещения освещалась на страницах журнала.

Обязанности комсомольских ячеек на селе в 1920-е годы прошлого века были поистине безграничны: починка мостов, организация пожарных сараев, помощь погорельцам, рытье канав, очистка деревенских улиц и дворов от навоза, дохлятины, помоев, устройство вентиляции, организация кипяченой воды, борьба с мухами, вшами, агитация и т.п. [Куренко, 1924, № 2]

В августе 1924 года представитель Шадринского окружкома РЛКСМ Н. Шорин поставил перед комсомолом новые задачи в области культурной работы в деревне, среди которых на первое место вынес «выполнение завета Ильича о ликвидации неграмотности, в первую очередь среди комсомольцев, потом среди допризывников, потом вообще среди молодежи и всего населения» [Шорин Н., 1924, с. 19].

При чтении этой фразы создается впечатление, что население округа практически безграмотно (в том числе и комсомольцы). Это доказывалось в том числе инспекторским обследованием учебных заведений округа: «в деревнях, не вошедших в школьную сеть, далеко отстоящих от сетевых школ, все 100% детей остаются за бортом школы» [Первунинский Ф., 1924, с. 21]; «Всего неграмотного и грубо малограмотного населения по Шадринскому округу 73.966 человек» [Фукалов, 1924, с. 11]. «На местах отсутствует точный учет неграмотных от 18 до 35 л. Даже сельсоветы (Батурин., Знаменск.) не знают, как у них с неграмотными дело обстоит. В результате цифра неграмотных каждый год меняется и, при этом, в сторону повышения» [Родионов, 1925, с. 24]. По данным А. Пашкова, в 1923–1925 гг. в Шадринском округе проживало 678.910 человек, из которых 19 285 – в городе Шадринске [Пашков, 2009, с. 84]. Получается, что всего лишь каждый 9-ый житель в округе (около 11 % от общего количества жителей) был неграмотным. В этом случае описание «темноты» населения Шадринского округа кажется явным преувеличением.

Спустя год журнал «Путь просвещенца» рапортует: «По данным апрельской переписи неграмотных 1925 года число граждан, подлежащих обучению в школах ликвидации неграмотности, в Шадринском округе ровно 55.617 челов.» [2-я Шадринская окружная конференция работников просвещения, 1925, с. 1]. В этом же номере, но на последней странице называется почти такая же цифра (55 798), но поясняется, что в данное число входят только неграмотные в возрасте от 14 до 30 лет, которых планируется обучать в первую очередь. Причем подавляющая масса (55.300) – это сельчане [Хроника, 1925, с. 40]. Если учесть, что половину из 55.798 человек планировали обучить в 1925/26 учебном году, получается, что и первая цифра (73.966 человек в 1924

г.), вероятнее всего, также указывает только на молодежь. При таком раскладе ситуация с безграмотностью населения действительно выглядит пугающе.

Кампания по ликвидации неграмотности по всей стране началась в 1923 г. после лозунга В.И. Ленина «к десятилетию Октябрьской революции не должно быть ни одного безграмотного в России» [Фукалов, 1924, с. 11]. Помимо простого обучения началам чтения, письма и счета, основной задачей пункта по ликвидации безграмотности было сделать учащегося не только технически, но и политически (!) грамотным. Для этого в программе ликпунктов существовал еще один обязательный к изучению блок – «Политграмота и экономическая география», где изучалось строительство Советской власти, народное хозяйство СССР, международное положение СССР и других стран [Чернышева, 1924, с. 22].

В Шадринском округе 1923/24 учебный год ликбез практически провалился: для постепенного минимального обучения тысяч человек необходимо было хотя бы 200 школ; в 1923 г. удалось открыть чуть больше половины (106). Несмотря на это, из 5662 запланированных было обучено грамоте 4434 человека (78,5 %) [Фукалов, 1924, с. 11], хотя преобладающая часть – это городское население и военнослужащие.

Причиной отставания от плана, во-первых, стал дефицит денежных и материальных средств. Вот как свою работу по ликвидации неграмотности в деревне описывала молодая учительница А.Ч.: «В первый 1921/22 учебный год моей работы в школе ликвидации безграмотности учеников было 26 человек, из которых 4 ученика читали, половина других была неграмотна, а другая половина разбиралась по складам и одной букве. Выпросив у знакомых учителей-соседей некоторые руководства для обучения грамоте, а из пособий два разных букваря, пять разных же сборников и хрестоматий по русскому языку, пять обломков от аспидных досок с такими же грифельями, пять ручек с испорченными перьями и классную доску, и своими силами приготовив разрезные азбуки для всех начинающих, лото-нумерацию, лото-таблицу умножения, книжечки с необходимыми правилами русского языка и русскими мерами, гусиные перья, свекольные чернила, оборудовав классную комнату скамьями и столами – я начала занятия в школе» [А. Ч., 1924, с. 33].

Но таких энтузиастов в то время было очевидно недостаточно. «Разрыв теории с практикой, голая книжность, неумение воздействовать на окружающую жизнь в смысле ее культурного улучшения,

замкнутость в интеллигентскую кружковщину, оторванность от масс и от советской общественности» [Кобелев, 1924, с. 2]. – именно так большевики характеризовали большую часть учительства. Учителя старой закалки заняли, по мнению власти, выжидательную позицию, что якобы стало еще одной причиной провала работы по ликвидации неграмотности.

С учетом данных проблем к началу следующего учебного года (1924/25) было решено главную роль в преодолении неграмотности отвести членам РЛКСМ. Комсомольцы должны организовывать дополнительные пункты по ликвидации неграмотности, обеспечивая их материальной базой и активно привлекая слушателей. Учителя же должны были стать просто инструментом обучения под присмотром комсомольцев.

Другой завет В.И. Ленина «Книга – в массы» было возможно осуществить только при развитии сети передвижных фондов стационарных библиотек. Именно так и поступили, формируя наборы книг для изб-читален, фабрик и заводов, красных уголков учреждений, ячеек РКП(б) и, конечно, РЛКСМ. Первоначально набор книг в передвижках оставлял желать лучшего: «приложения к «Ниве», почти всегда разрозненные, агитброшюры, потерявшие теперь значение, в роде “Уральцы, добьем Колчака” и т. д.» [Густомесов, 1924, с. 24]. С конца 1924 г. комсомольцы начали курировать работу в избах-читальнях, обновляя материалы для чтения путем сбора денег во время благотворительных мероприятий. И уже в 1925 г. самым популярным предметом для чтения вслух на селе стала свежая газета с комментариями политически правильно ориентированного «избача». Работа в избе-читальне позволяла влиять на умы людей в сельской местности, постепенно формируя нужное мнение населения. И Советская власть это прекрасно понимала. Доказательством этому, например, может послужить партийный состав приехавших на курсы «избачей»: из 50 человек «членов РКП(б) – 28 и РЛКСМ – 22» [О работе вторых сентябрьских курсов избачей, 1925, с. 30].

Еще одной областью работы комсомола стала «организация школ крестьянской молодежи и пропаганда идеи этих школ среди крестьянства» [Шорин Н., 1924, с. 19]. Такие школы должны были подтолкнуть интенсификацию сельского хозяйства путем коллективной обработки земли, объединения крестьянских масс и борьбы с кулаками: «Цели и задачи школы крестьянской молодежи состоят в подготовке из занятых в сельскохозяйственном производстве подростков квалифицированных работников деревни в определенных областях: по работе в совете, коо-

перативе, крестьянском комитете взаимопомощи, прокатном пункте, народном доме, избе-читальне и т.п., а главное, в деле рациональной постановки сельского хозяйства» [Венюков, 1924, с. 11]. Школы крестьянской молодежи должны были научить людей хозяйствовать с учетом новейших сельскохозяйственных знаний. При этом первоначально учителям предлагалось самостоятельно получить агрономическую подготовку по профилю региона, а агрономам научиться передавать свои знания учащимся. Комсомольцы же должны помочь в организации таких школ, сотрудничая не только с сельской интеллигенцией того времени – учителями и агрономами, но и с Наробразом и сельскохозяйственной кооперацией.

Комсомольцам поручили также воспитание детей в пролетарском духе. По поводу пионеров указывалось: «Рекомендуется начинать организацию пионеротрядов в таких деревнях, где имеются сильные ячейки РЛКСМ, которые дадут пионер-занятиям соответствующую политическую окраску» [Куренко, 1924, № 1, с. 33–34]. Дополнительным аргументом в необходимость такого ограничения служит требование, что вожатый пионерского отряда должен быть утвержден ячейкой или райкомом РЛКСМ.

Еще одним аспектом культурного образования населения, которым обязали заниматься и комсомольцев, и учителей, была антирелигиозная пропаганда. При этом власти четко понимали, что сосредоточиться надо на молодых: «У стариков, старушек, живших десятки лет в религиозном чаду, не выживешь этот угар из головы. [...] Мы должны [вырастить] новое поколение, поколение “Октября”, чистое, не загрязненное елеем, ладаном и фимиамами религии, а стало быть, здоровое, с верными взглядами на жизнь и окружающую обстановку» [Кольванов, 1924, с. 10] и что разовые акции результата не дадут: «Наша задача не кричать “Нет ни богов, ни чертей”, “Долой попов” и т.д., потому что от выкриков толку мало» [Там же], а потому планировалась скрупулезная, рутинная работа: лекции, беседы, уголки «безбожников», антирелигиозные стенгазеты, пьесы для антирелигиозного вечера и т.д.

Почему для решения всех перечисленных задач (ликвидация неграмотности; организация работы изб-читален, школ сельской молодежи и пионерских отрядов, проведение антирелигиозной пропаганды) в качестве основного движителя на местах был выбран именно комсомол? Уже в то время отлично понимали, что подрастающее поколение, с одной стороны, наиболее подвержено влиянию со стороны, а с другой – наиболее мобильно: «Во-первых, молодежь является наиболее подходящим материалом для соответствующей культурной обработки,

наиболее поддающимся этой обработке, восприимчивым, живым элементом, который будет играть решающую роль в деле будущего; вторых, молодежь и РЛКСМ представляют из себя активный элемент в деле насаждения, распространения среди широких рабочих-крестьянских масс начал культурности» [Шорин, 1924, с. 19].

Список литературы

2-я Шадринская окружная конференция работников просвещения // Путь просвещенца. Шадринск, 1925. № 5–6. С. 1.

А. Ч. Из воспоминаний о работе в школе // Путь просвещенца. Шадринск, 1924. № 3. С. 33–34.

Венюков, И. От старого к новому // Путь просвещенца. Шадринск, 1924. № 4. С. 11–16.

Густомесов, А. Как приблизить книгу к массе // Путь просвещенца. Шадринск, 1924. № 3. С. 23–26.

К читателям // Путь просвещенца. Шадринск, 1926. № 1. С. 63–64.

Кобелев, В. XIII съезд РКП и учительство // Путь просвещенца. Шадринск, 1924. № 1. С. 1–2.

Колыванов, Г. «Комсомольское рождество» и школа // Путь просвещенца. Шадринск, 1924. № 4. С. 10.

Куренко, Г. Методика работы по пионерскому движению // Путь просвещенца. Шадринск, 1924. № 1. С. 31–34.

Куренко, Г. Работа юных пионеров в деревне // Путь просвещенца. Шадринск, 1924. № 2. С. 33–34.

О работе вторых сентябрьских курсов избачей // Путь просвещенца. Шадринск, 1925. № 6–7. С. 30.

Пашков, А. А. Шадринский край. 1919–1950 гг. Страницы истории. Шадринск : Изд-во ОГУП «Шадринский дом печати», 2009. 524 с.

Первунинский, Ф. Состояние учебно-воспитательного дела в школах I ступени Шадринского округа (По данным инспекторского обследования школ) // Путь просвещенца. Шадринск, 1924. № 1. С. 21–25.

Родионов. Опыт политпросветработы в Батуринском и Курьинском районах (Картинки, факты, наблюдения и выводы) // Путь просвещенца. Шадринск, 1925. № 1–2. С. 21–24.

Фукалов, А. Как идет работа по ликвидации неграмотности // Путь просвещенца. Шадринск, 1924. № 2. С. 11–13.

Хроника // Путь просвещенца. Шадринск, 1925. № 5–6. С. 40.

Чернышева, А. Плановая работа на ликпунктах // Путь просвещенца. Шадринск, 1924. № 5. С. 22–25.

Шадринск 1920-х годов / сост. и отв. Ред. С. Б. Борисов. Шадринск : Изд-во Шадринского пединститута, 1999. 111 с.

Шадринское краеведение: Краткий библиографический словарь / Сост. и отв. Ред. С. Б. Борисов. Шадринск: Изд-во Шадринского пединститута, 1996. 52 с.

Шорин, Н. О работе учительства среди молодёжи деревни // Путь просвещенца. Шадринск, 1924. № 1. С. 19–20.